

Глава 12. Единая плоть, единая судьба

Происходящее заставило всех присутствующих вскрикнуть от изумления.

Лю Цинсянь с ледяным спокойствием на лице взмахнул мечом, стряхивая кровь. Капли окропили землю и тут же растворились под проливным дождем.

Он подошел к Инь Сюань и опустился перед ним на одно колено. Пока тот растерянно хлопал глазами, Цинсянь приблизил к его лицу свою окровавленную руку.

— Будь то заклинатель демонического пути или представитель расы демонов — у всех есть одна роковая слабость, — Лю Цинсянь отложил меч и властно обхватил ладонью затылок мальчика, не давая тому отстраниться.

Пристально глядя в разномастные глаза ребенка, он негромко произнес:

— Стоит им получить рану от меча, наполненного светлой духовной энергией праведного пути, как в них пробуждается жажда крови. Инстинкт заставляет их искать человеческую кровь, чтобы восполнить истощенные силы.

Инь Сюань замер, его зрачки расширились. Дыхание невольно стало тяжелым и прерывистым. Глаза юноши покраснели, а взгляд намертво прикипел к сочившейся ране на руке Лю Цинсяня.

Цинсянь поднес руку еще ближе и горько улыбнулся:

— Твои силы и без того были на исходе, раны серьезные. Ты едва держишься. А теперь, когда я сам ударил тебя мечом... я хочу увидеть, совладаешь ли ты с собой или сорвешься?

Только сейчас ученики ордена Линьцан осознали истинный замысел: Лю Цинсянь решил принести себя в жертву ради доказательства! Если этот полудемон не устоит перед искушением и припадёт к крови своего спасителя, то и к остальным он никогда не проявит милосердия. Но если он сумеет подавить жажду, значит, в его сердце всё еще живет стремление к свету.

Инь Сюань угрожающе рыкнул. На его щеках проступили звериные метки, левый глаз вспыхнул ярким светом, а на макушке невольно выросли уши, прижавшиеся к голове — верный признак того, что хищник готов к броску.

Он вцепился руками в плечи Лю Цинсяня и, не переставая утробно рычать, придвинулся к его ране. В следующее мгновение Цинсянь с изумлением заметил, как тело ребенка начало стремительно расти, на глазах превращаясь в стройного юношу.

Не успел он опомниться, как из-за барьера донесся холодный голос Дао Сяово:

— Этому щенку-полудемону уже давно пора бы войти в возраст возмужания. Видимо, облик тщедушного ребенка был лишь прикрытием, чтобы вводить людей в заблуждение.

В голове вовремя раздался голос Системы:

«Тут я вынужден заступиться за антагониста. В детстве Инь Сюаньши постоянно недоедал. Чтобы сохранить энергию для выживания, демоны могут намеренно останавливать рост, сводя внутренние траты организма к минимуму».

«То есть он просто включил режим энергосбережения...» — Лю Цинсянь, глядя на представшего перед ним юношу, опешил.

Подумать только, он всё это время тискал его как маленького и утешал в объятиях! Какой позор.

Голос Системы стал насмешливым:

«Так что, Хозяин, если сейчас будущий злодей сорвется, ты вряд ли сможешь его удержать. И после этого ты всё равно намерен продолжать свой эксперимент?»

Лю Цинсянь хотел было ответить, но Система перебила его с легким вздохом:

«Ладно, забудь. С тех пор как мы работаем в паре, ты еще ни разу не менял своих решений».

Цинсянь промолчал. Он поднял взгляд на Инь Сюаньши и на миг вздрогнул, увидев в его глазах первобытную жажду крови. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не отшатнуться и дожидаться выбора юноши.

Горячее, тяжелое дыхание опаляло шею. Взгляд Инь Сюаньши был подобен бездне, в которую невозможно не провалиться.

Он крепко сжал запястье Лю Цинсяня, мгновенно превратившись из жертвы в охотника. Казалось, еще мгновение — и он вонзит зубы в плоть...

Цинсянь непроизвольно зажмурился.

Но в следующую секунду он почувствовал не боль, а тепло чужого тела. Что-то мягкое и пушистое коснулось его щеки. Открыв глаза, Лю Цинсянь обнаружил, что Инь Сюаньши, ставший теперь чуть выше его ростом, успокоился и бережно обнял его.

Цинсянь повернул голову и увидел, как звериные отметины на лице юноши исчезают, словно отлив. В разномастных глазах еще мерцали искры, но разум явно возобладал. Из последних сил сохраняя ясность сознания, юноша жалобно прошептал:

— Шицзунь...

Он был похож на затравленного зверька, который умеет лишь безмолвно глотать обиды.

У Лю Цинсяня защипало в глазах.

Он прижал Инь Сюань к себе и громко объявил ученикам ордена Линьцан:

— Будучи тяжело ранен, он не причинил мне ни малейшего вреда! Считается ли это достаточным доказательством того, что он прошел испытание?

Ученики заколебались и невольно обернулись к Пиковым лордам.

— Просим лордов рассудить нас!

Лю Цинсянь тоже посмотрел на своих соратников.

Вэнь Цзиньлуань с теплой улыбкой кивнула ему:

— Я согласна.

Пэй Нинъюнь, видя это, лишь нетерпеливо буркнул:

— Раз старшая сестра согласна, значит, и я не против.

Цзи Сяочжун тихо вздохнул, переглянулся с Дао Сяово и мягко произнес:

— Я тоже согласен.

Дао Сяово хмыкнул, закинул саблю на плечо и отвернулся:

— Посмотрим еще на его поведение! На сегодня хватит.

Напряженная атмосфера, еще мгновение назад грозившая обернуться кровопролитием, мгновенно разрядилась, словно льды, подтаявшие под весенним ветром.

Лю Цинсянь благодарно улыбнулся им. Сделав глубокий вдох и наполнив голос истинной силой, он провозгласил:

— Отныне Инь Сюань становится моим первым внутренним учеником на Пике Линсюэ. Я буду наставлять его лично. И хотя Небесный демон всё еще запечатан в его теле, я приложу все силы своей жизни, чтобы найти способ его усмирения и очищения ради спокойствия этого мира!

Только тогда Инь Сюань осознал, на что пошел ради него мастер. Его голос дрогнул от подступающих слез:

— Вы всё еще... хотите быть моим Шицзунем?

Он закрыл глаза руками, запинаясь от волнения:

— Но я... я полудемон, во мне демон, и этот тотем демонического контракта... я не знал...

— Прекрати! — сурово оборвал его Лю Цинсянь. — Раз я решил взять тебя в ученики, я не потерплю никаких пересудов и предвзятости! Даже если эти слова исходят от тебя самого!

Он еще крепче обнял юношу и, подняв с земли меч Чунмин, воззвал к небу:

— Клянусь: нет вины ученика, в которой не был бы повинен учитель. Если в будущем Инь Сюань совершит хоть что-то, что идет вразрез с праведным путем, это будет моей виной. Отныне мы — единая плоть и единая судьба, и кару мы разделим на двоих! Да будет этот обет нерушим!

Как только слова затихли, лезвие Чунмина вспыхнуло серебристо-белым светом. Раздался чистый, звонкий клич, и в воздухе на миг возник призрачный силуэт божественной птицы Чунмин. Взмахнув крыльями, фантом медленно растаял в пустоте.

На этом дело было временно улажено.

Цзи Сяочжун со смягчившимся выражением лица посмотрел на горные ворота и улыбнулся:

— Ну что же, раз так, зовите скорее остальных новобранцев.

Только тогда присутствующие очнулись от пережитого потрясения и вспомнили, что испытание для новых учеников еще не закончено. Обернувшись, они увидели толпу запыленных юношей и девушек, которые от усталости повалились в кучу и крепко заснули прямо у входа.

Лю Цинсянь отворил дверь в свои покои и жестом пригласил Инь Сюань, который снова принял облик ребенка, присесть к столу.

Еще у ворот Цинсянь объяснил остальным загадку переменчивого облика мальчика. Услышав о том, что ребенок перестал расти из-за тягот и лишений, ученики, хоть и сохраняли настороженность, прониклись к нему сочувствием, так что злые языки наконец поутихли.

Цинсянь налил Инь Сюань воды и с улыбкой заметил:

— На этом испытании я и впрямь заполучил всего одного ученика. Смотри не вздумай потом ворчать, что твой Шицзунь не обеспечил тебе достойной компании.

Инь Сюань уже протянул руку к чашке, но от этих слов вздрогнул, едва не опрокинув воду.

Он пылко воскликнул:

— Шицзунь — самый добрый человек на свете! Как я могу хоть в чем-то вас упрекнуть!

Лю Цинсянь невольно вспомнил Син Яньчжу из своей прошлой жизни, поэтому лишь мимолетно улыбнулся и сделал вид, что верит.

— Я ранил тебя мечом, тебе, должно быть, очень горько? Иди сюда, я перевяжу рану.

Инь Сюань послушно подошел, его голос звучал кротко:

— Сначала я и впрямь испугался, но когда понял ваш замысел, мне стало... очень радостно.

— Глупый, — полушутя отозвался Лю Цинсянь, — рана от меча так болит, а ты радуешься? Зря я, выходит, за тебя переживал.

Инь Сюань редко общался с людьми и принял эти слова за чистую монету. Он страшно заволновался и не знал, что ответить, лишь беспомощно открывал рот.

Видя это, Цинсянь не выдержал и смягчился:

— Да шучу я, посмотри, как ты перепугался.

Только тогда Инь Сюань облегченно выдохнул и тоже робко улыбнулся.

Пока Лю Цинсянь занимался раной, на запястье мастера то и дело проступал алый тотем демонического контракта, похожий на тонкую нить. Инь Сюаньши не шевелился, не сводя глаз с этой метки.

— Шицзунь, простите... — виновато прошептал он. — Пока Шишу Вэнь не сказала, я и понятия не имел, откуда взялся этот узор. Наверное, в какой-то миг мои силы вышли из-под контроля и...

Он запнулся, и его лицо густо покраснело:

— Раз Шицзунь готов разделить со мной судьбу, то и я клянусь! Я вовсе не... вовсе не такой, как они говорят! У меня и в мыслях не было желать Шицзуню зла!

Лю Цинсяню тоже стало неловко.

И впрямь, в оригинальной новелле этот тотем служил лишь для того, чтобы добавить в сюжет пикантности и порадовать читателей «бонусами», а теперь он красовался на его собственном запястье... Это было выше всяких оправданий.

Впрочем, он понимал: Инь Сюаньши, будучи брошенным полудемоном, скорее всего, действительно не знал значения метки и просто интуитивно привязал к себе единственного человека, к которому почувствовал привязанность.

— Ничего страшного. Когда научишься управлять своими силами, просто поможешь мне снять её.

Инь Сюаньши просиял и звонко ответил:

— Хорошо!

Когда с перевязками было покончено, ливень за окном окончательно стих. Тучи разошлись, и на землю хлынул чистый лунный свет.

Окно в покоях Лю Цинсяня было распахнуто настежь. Серебристое сияние заливало сосновый бор, превращая его в сказочный, хрустальный пейзаж.

Инь Сюаньши, выросший в грязи и нищете, никогда не видел такой красоты. Он заворуженно смотрел в окно, забыв обо всем на свете.

Лю Цинсянь проследил за его взглядом и увидел пустую поляну перед лесом.

Он вспомнил, что в прошлой жизни в это же самое время он посчитал сосны слишком невзрачными и выпросил у Пэй Нинъюня семена редкой магнолии, цветущей круглый год, чтобы посадить их под окном.

Именно под тем деревом магнолии в первой итерации мира и завязалась их судьба.

Лю Цинсянь восторженно и ласково сказал Инь Сюань:

— Когда твои раны заживут, давай вместе посадим здесь дерево. Ты будешь заботиться о нем, а я — о тебе. Так вы и вырастаете вместе.

В горле Инь Сюань застрял ком. Он не смог вымолвить ни слова, лишь отчаянно закивал.

Прошлое было полно горечи, оба они когда-то остались одни на перепутье дорог, и какое же это счастье — обрести друг друга вновь.

Лю Цинсянь приобнял Инь Сюань, позволяя ему склонить голову на плечо.

— Отныне мы оба должны прожить эту жизнь как следует, — пообещал он, скорее самому себе, чем мальчику.

Инь Сюань, всхлипывая, снова кивнул.

Почувствовав живое, исходящее от мастера тепло, он наконец не выдержал. Все годы боли и одиночества вырвались наружу, и, обхватив Лю Цинсяня за шею, он горько зарыдал.

<http://bllate.org/book/17557/1710770>